

дочно народу – и все в один голос: немцы, слава Богу, продвигаются, взяли Смоленск и Бологое... Слухи о каких-то **польских** легионах, которые тоже будто бы идут спасать нас... Немцы будто бы не идут, как обычно идут на войне, сражаясь, завоевывая, а “просто едут по железной дороге” – занимать Петербург... После вчерашних вечерних известий, что Петербург уже взят немцами, газеты очень разочаровали... В Петербург будто бы вошёл немецкий корпус. Завтра декрет о денационализации банков... Видел В. В. Горячо поносил союзников: входят в переговоры с большевиками **вместо того, чтобы идти оккупировать Россию**” и т. п.

А вот записи Бунина из Одессы:

“Слухи и слухи. Петербург взят финнами... Гинденбург идёт не то на Одессу, не то на Москву... Все-то мы ждём помощи от кого-нибудь, от чуда, от природы! Вот теперь ходим ежедневно на Николаевский бульвар: не ушёл ли, избави Бог, **французский** броненосец, который зачем-то маячит на рейде и при котором всё-таки как будто легче”.

О НАРОДЕ

Народолюбие вызывало у Бунина только сарказм. “Чернь” и “полудикари”²¹, “проклятые обезьяны”²², “скотина без пастуха”²³ – вот что такое народ для Бунина. Эти слова разбросаны по всем его статьям. Вот несколько зарисовок...

“Слишком много было и есть у нас субъектов чистой уголовной антропологии. Разбойнички муромские, брянские, саратовские и прочая, прочая, бегуны, шатуны, ярыги, голь кабацкая, пустосвяты, на сто тысяч коих – один святой...”²⁴; “А в красноармейцах главное – распущенность. В зубах папиро-ска, глаза мутные, наглые, картуз на затылок, на лоб падает “шевелюр”. Одеты в какую-то сборную рвань. Иногда мундир 70-х годов, иногда, ни с того ни с сего, красные рейтзузы и при этом пехотная шинель и громадная старозаветная сабля”²⁵; “...Красная аристократия: матросы с огромными браунингами на поясе, карманные воры, уголовные злодеи и какие-то бритые щеголи во френчах, в развратнейших галифе, в франтовских сапогах непременно при шпорах, все с золотыми зубами и большими, тёмными, кокаинистическими глазами...”²⁶; “А народ не виноват!.. Народ будет впоследствии валить всё на другого – на соседа и на еврея: “Что ж я? Что Илья, то и я. Это нас жды на всё это дело подбили...”²⁷.

“Ну а “белые” – они, конечно же, сплошь орлы!” – полагал, надо думать, Бунин. И народу советскому “белых” представляли именно так. Вспомним атаку капрелевцев в фильме “Чапаев” (кто видел его): идут бесстрашно, плечо к плечу красавцы-офицеры – рослые, в парадных кителях с золотыми погонами, штыки блестят, падает впереди шагавший, его тут же замещает шедший сзади... И никакие пулемёты им не страшны!..

А ведь о “белых” в ту пору можно было говорить столь же ядовито, как и про красноармейцев. Вот свидетельство одного из артиллерийских офицеров Э. Н. Гиацинта: “Мне смешно смотреть кинокартину, в которых изображается Белая армия – веселящаяся, дамы в бальном платьях, офицеры в мундирах с эполетами, с аксельбантами, блестящие! На самом деле Добровольческая армия в это время представляла собой довольно печальное явление. Одеты мы были кто как попало. Например, я был в шароварах, в сапогах, на мне вместо шинели была куртка инженера путей сообщения, которую мне подарили ввиду поздней уже осени хозяин дома, где жила моя мать, – господин Ланко. Он был в прошлом начальником участка между Екатеринодаром и ещё какой-то станцией.

Вот в таком виде мы щеголяли. В скором времени у меня отвалилась подошва от сапога на правой ноге, и пришлось привязать её верёвкой. Вот какие “балы” и какие “эполеты” мы в то время имели!”

Гражданская война была трагедией для всей России: для “белых” и “красных”. Вряд ли артиллерист Гиацинтов доподлинно знал, что Белая идея, за которую он умирал, в сущности своей была антирусским, антигосударственным проектом Запада, подхваченным российскими либералами, сокрушившими монархическую государственность в ходе Февральской революции 1917 г. Тысячи корнетов и поручиков, вставших “За Веру, Царя и Отечество！”, певших гимн “Боже, царя храни！”, были “пушечным мясом”, “военной рукой”